ратурным русским языком. Однако путь слова, как правило, извилист и сложен. И этот случай не представляет исключения. Еще в 1934 году «Краткий технический словарь» дает такое определение: «Самолет. См. Аэроплан», по-прежнему отдавая предпочтение последнему. Но тот же словарь в других случаях вполне свободно использует и *самолет*: «Авиэтка — легкий маломощный самолет».

С течением времени *самолет* весьма заметно потеснил слово *аэроплан*. Не случайно в недавно вышедшем «Словаре синонимов русского языка» (Л., 1970) мы не находим синонимического ряда на *аэроплан*. В наши дни вслед за прочно укоренившимся в русском языке термином *самолет*, по образцу этого термина возникают новые слова, появление которых обусловлено стремительным развитием авиации и космонавтики, — *вертолет*, *звездолет*, *космолет*.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

СТАЧКА И ЗАБАСТОВКА

Современные синонимы *забастовка* и *стачка*, имеющие общественно-политическое значение, исторически восходят к словам, далеким и по смыслу и по эмоциональной экспрессии.

Слово *стачка* впервые отмечено в «Словаре Академии Российской» в 1794 году. Оно образовано от глагола *стакнуться-стакиваться* (от *так*) 'прийти к определенному соглашению'. Это значение глагола (и отглагольного сущест-

вительного) устойчиво держалось почти до конца XIX века: «Приказал он людям, чтобы непременно его предупредили, когда он воротится, но и люди словно стакнулись смолчали» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «Могло случиться, что ученики назло учителю делали стачку не учить уроки» (Помяловский. Очерки бурсы); «Уважаемый товарищ Курицын женат на племяннице аптекаря Груммер и находится с ним в стачке» (Чехов. Интриги); «И та, и другая [статьи 812 и 920 устава таможни] говорят одинаково о выпуске из таможни товаров без ярлыка. Этот выпуск делается по стачке между чиновником и купцом» (Кони. Судебные речи).

Толковые словари XIX века, например Словарь 1847 года и Словарь Даля, связывают слово *стачка* с глаголами *ста́киваться — ста́каться — ста́кнуться*. Однако уже у Даля указан особый оттенок значения, являющийся как бы переходным к современному *стачка* 'круговая порука в нечистом деле, тайное условие и самый круг, обязавшийся поддерживать друг друга'. Порицательная характеристика действия стачки здесь вполне объясняется общественно-политической позицией автора знаменитого лексикона. Ср. в романе Мельникова-Печерского «На горах»: «В осеннее хлебное время последнему наймиту лишнего слова сказать нельзя. Тотчас стачка, тотчас работники гурьбой со двора».

В то же время «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Толля (Приложение 1866 г.) отмечает общественно-политическое значение слова *стачка*, ориентируясь в основном на революционные события в Англии: «*Стачка*. Уговор нескольких лиц действовать заодно для достижения известной цели. Стачки рабочих в Англии — сходки их с целью вынуждения у хозяев более значительной задельной платы». Окончательно это значение закрепилось в слове *стачка* в конце прошлого века. В России этот период отмечен бурным ростом капиталистического производства. Это сопровождалось особенно сильной эксплуатацией рабочих, и, естественно, порождало борьбу пролетариата за улучшение условий труда и жизни, что сразу же находило отражение в языке. *Стачка* попадает в ряд слов, неугодных официально настроенным кругам. Издатель журнала «Дело» Г. Е. Благосветлов дает такой совет одному из своих сотрудников: «Избегайте слов *стачка*, *ассоциация*, *социальный* и т. п., слова эти строго воспрещены: их боятся, как боятся „жупела“

толстопузые московские купчихи» (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.— Л., 1965).

Конец XIX века — время интенсивного роста и распространения идей марксизма в России. Острая полемика первых русских марксистов с народниками порождает массовую общественно-политическую литературу, формирует общественно-политическую лексику, фразеологию и терминологию. Именно в это время многие общественно-политические термины приобретают наиболее близкое к современному смысловое оформление.

В статьях и документах конца XIX века нетрудно обнаружить существенные смысловые сдвиги в слове *стачка*. Сохраняется его исконное употребление в значении 'круг поддерживающих друг друга рабочих': «Рабочие не пускали на фабрику тех, кто не принадлежал к стачке» (Дневник Суворина, 9 июня 1896); «Организация рабочих может быть ведена на всякой почве, начиная с артелей, товариществ, кружков саморазвития, стачек и кончая чисто революционными сообществами» (Сборник по истории политических и общественных движений в России за сто лет (1800—1896). Составлен Вл. Бурцевым. Лондон, 1897).

Но уже в литературе народников при описании деятельности в среде городских рабочих слово *стачка* употребляется как 'соглашение — протест, забастовка': «Георгий Плеханов сильно агитировал при предполагавшейся стачке на заводе „Русского общества“» (Архив обществ «Земля и Воля» и «Народная Воля»); «Члены землевольческой рабочей группы принимали также деятельное участие в нескольких стачках, происходивших в Петербурге» (Е. Серебряков. Очерки по истории «Земли и Воли»).

Слово *стачка*, таким образом, все теснее связывается с борьбой рабочих на капиталистическом производстве и начинает означать коллективное прекращение работы и выдвижение определенных экономических требований рабочих к предпринимателям. Новое осмысление слова *стачка* находит свое окончательное оформление в пропагандистской литературе русских марксистов. В. И. Ленин и его единомышленники придавали огромное значение стачечной форме борьбы рабочих со своими предпринимателями, видя в них (в стачках) большую активизирующую силу для формирования революционного сознания рабочего. В «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» (1895—1896) В. И. Ленин писал: «Стач-

ки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках»; в «Письме „Северному союзу РСДРП“» (апрель 1902) читаем: «Стачками (как и экономической агитацией вообще) надо *всегда* пользоваться и для возбуждения к *революционной* борьбе за свободу и за социализм. Стачками надо пользоваться и для *политической* агитации». Ср. также:«... и только после громадных стачек, в которых участвовало множество рабочих, правительство принуждено было „сбавить наказание“ и карает теперь за подготовку стачки тюремным заключением около года» (Н. Федосеев. Программа действий рабочих).

Утверждение общественно-политического значения у слова *стачка* отражается и на его словообразовательной активности: возникают *стачечник*, *стачечница*, *стачечный*, связанные по смыслу исключительно с тем же значением. Расширяются границы использования этого термина; из сфер общественно-политической лексики оно переходит на страницы художественной литературы: «После ссылки он был руководителем большой стачки рабочих, кончившейся разгромом фабрики и убийством директора» (Л. Толстой. Воскресение); «Времена наступили довольно бурные: участились стачки и митинги безработных» (Короленко. Без языка).

Слово *забастовка* отмечено в Словаре Даля (1866) в гнезде *забастóвывать, забастовáть*. Глагол *забастовать* не новый, он известен еще у Пушкина, но использовался им исключительно в карточном значении. *Забастовать* — это прекратить карточную игру (от итальянского basta ‘довольно! полно! хватит!’): «От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше» (Письмо Судненку, 15 января 1833).

Это значение еще достаточно употребительно в художественной литературе конца XIX — начала XX века: «Привалов внутренне давал себе слово, что как только воротит проигрыш — сейчас же забастует» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «Он был действительно в солидном выигрыше, забастовал круто после того, как загреб куш» (Боборыкин. Китай-город).

Постепенно глагол *забастовать* расширяет сферы употребления, начиная обозначать прекращение какого-либо действия или занятия в общем смысле: «Двух родят и забастуют» (Достоевский. Дневник писателя). Или еще более абстрактно: «Едем в театр? Нет, не соблазнишь: за-

бастовал» (там же); «Наши знаменитости не умеют забастовать вовремя и продолжают писать, когда им следовало бы отдыхать на лаврах» (Писарев. Посмотрим).

Производное от *забастовать* слово *забастовка* появилось, очевидно, в связи с общей активизацией суффиксальных образований на *-ка* во второй половине XIX века. Словарь Даля, впервые отметивший *забастовка* (наряду с *забастованьем)*, формулирует его значение как 'шабашенье, закончанье, остановка, отказ продолжать что-либо': «Никита Юрьевич возрастал на руках мам и пестунов во всем барском своеволии тогдашнего времени, — своеволии, которому, однако, уже полагался конец строгою рукою царствовавшего преобразователя [Петра I]. Никите Плодомасову было суждено быть свидетелем начала забастовки этих боярских самовольств» (Лесков. Старые годы в с. Плодомасове).

В конце XIX века (примерно в 90-е годы) *забастовка* оформляется как полный синоним слову *стачка*. В «Словаре русского языка» (1899) читаем: «*Забастовка* — самовольное, с нарушением условий найма, прекращение работ, коллективный отказ рабочих от работы до тех пор, пока хозяева не согласятся исполнить их требования, стачка». В общественно-политической литературе этого времени слова *стачка* и *забастовка* (и их производные) также вполне синонимичны: «Когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег» (Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении); «Следовательно, прежде, чем советовать людям остановиться и одуматься, нужно решить: имеются ли налицо все эти данные и условия, без которых, как это указывает нам ближайшее и отдаленное прошлое, рекомендуемый прием пойдет прежнею дорогою, бесследно, вне желаемой цели, и забастовка суетного труда окончится гибелью или компромиссом стачечников» (П. Н. Обнинский. Из области современной этики).

Первое десятилетие XX века в России, богатое революционными событиями, создало особенно благоприятные условия для широкого использования слова *забастовка* как общественно-политического термина: «На фабрике Гука была забастовка с требованием повышения расценок. Вызваны усиленные наряды полиции, масса жандармов, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочие держали себя спокойно» («Искра», 12 апреля

1902); «Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-часовой рабочий день и политическая свобода» (Ленин. Предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове», 1901); «В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка» (Ленин. Начало революции в России, 1905).

В русском литературном языке наших дней *стачка* и *забастовка* связываются по преимуществу с дореволюционным временем. Эти слова, став теперь вполне синонимичными, употребляются в наши дни в языке публицистики для обозначения событий, имеющих место в зарубежных странах. Показательна в этом смысле иллюстрация в недавно вышедшем академическом «Словаре синонимов русского языка» (М., 1970), где речь идет о событиях в Австралии: «60 тысяч водителей локомотивов, тепловозов, междугородных и городских автобусов, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы после первой стачки... объявили повторную забастовку» («Ленинградская правда», 31 августа 1965).

Т. С. КОГОТКОВА

САМОДУР

Сложные слова русского языка с местоименной частью *само-* принадлежат к древнейшему продуктивному типу словообразования. Слово *самодур*, по-видимому, издавна звучало в русской народной речи, но в литературный язык долго не входило. Впервые его приводит Вейсманнов лексикон (1731). Из этого Словаря мы узнаем, что немецкое Eigensinnig , по-латыни refractarius, имеет русские соответствия: упрямый, упорный, жестоковыйный и самодур. Скромное положение слова *самодур* в конце ряда стилистически различных слов XVIII века свидетельствует о том, что здесь оно — самое сниженное и скорее всего относится к просторечию.

Самодур представлено как диалектное слово в «Опыте областного великорусского словаря» (1852), правда,